

Олег Хлобустов

ТРЕБОВАНИЯ ПРАВДЫ И ЧЕЛОВЕКОЛЮБИЯ

Письма Льва Толстого об антисемитизме

ОШИБОЧНО считается, что антисемитизм изначально был «чисто российским» явлением, хотя как четко сформулированная идейно-теоретическая доктрина он родился в 80-е годы прошлого века в Германии и впоследствии получил распространение в других европейских странах, не миновав при этом и Россию.

Следует, однако, особо подчеркнуть, что антисемитская пропаганда встречала в то время отпор как со стороны европейской, так и российской общественности, о чем, к сожалению, известно достаточно мало. Ничего не говорится на этот счет, например, в недавно вышедшей энциклопедии «Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года».

Даже в пространном очерке «История еврейского народа», изданном в Израиле в 70-е годы и считающемся одним из фундаментальнейших современных трудов на русском языке, о борьбе с распространением антисемитизма в России упоминается (с. 561) буквально следующее: «Писатели и мыслители, как В. Соловьев, В. Короленко и М. Горький, выступали в печати в последние годы XIX и начале XX вв. с протестом против преследований евреев».

Несмотря даже на такую, явно недостаточную характеристику этого факта, из подобной историографии полностью выпадают выступления против антисемитизма Льва Николаевича Толстого. В этой связи представляется небезынтересным познакомить читателей с мыслями великого писателя по этому вопросу.

В 1890 году религиозный философ и писатель Владимир Сергеевич Соловьев составил «Декларацию против антисемитизма», которую предложил подписать известным деятелям отечественной культуры. В итоге под документом появились 24 подписи, в том числе будущего академика К.А. Тимирязева, В.Г. Короленко, профессора П.Н. Милюкова, будущего главы Конституционно-демократической партии России.

Вот полный текст этого заявления:

«Ввиду систематически и постоянно возрастающих нападок и оскорблений, которым подвергается еврейство в русской печати, мы, нижеподписавшиеся, считаем нужным заявить:

1. Признавая, что требования правды и человеколюбия одинаково применимы ко всем людям, мы не можем допустить, чтобы принадлежность к еврейской народности и Моисееву закону составляла бы сама по себе что-нибудь предосудительное (чем, конечно, не предпринимается вопрос о желательности привлечения евреев к христианству чисто духовными средствами) и чтобы относительно евреев не имел смысл тот общий принцип справедливости, по которому евреи, неся равные с прочим населением обязанности, должны иметь такие же права.

2. Если бы даже и было верно, что тысячелетнее преследование и те ненормальные условия, в которые оно было поставлено, породило известные нежелательные явления в еврейской жизни, то это не может служить основанием для продолжения таких преследований и для увековечения такого ненормального положения, а, напротив, должно побуждать нас к большей снисходительности относительно евреев и к заботам об исцелении тех язв, которые нанесены еврейству нашими предками.

3. Усиленное возбуждение национальной и расовой вражды, столь противной духу истинного христианства, подав-

ляя чувства справедливости и человеколюбия, в корне развращает общество и может привести его к нравственному одиночеству, особенно при ныне уже заметном упадке гуманных чувств, при слабости юридического начала в нашей жизни.

На основании всего этого мы самым решительным образом осуждаем антисемитское движение в печати, перешедшее к нам из Германии, как безнравственное по существу и крайне

видно из переписки с Файвелем Гецем.

В 1891 году Гец предпринял попытку издать публицистический сборник «Слово — подсудимому! (О еврейском вопросе)», содержащий анализ и критику антисемитской пропаганды. В сборнике он также предполагал поместить письма Л.Н. Толстого, известного юриста и историка Бориса Николаевича Чичерина, В.С. Соловьева и В.Г. Короленко.

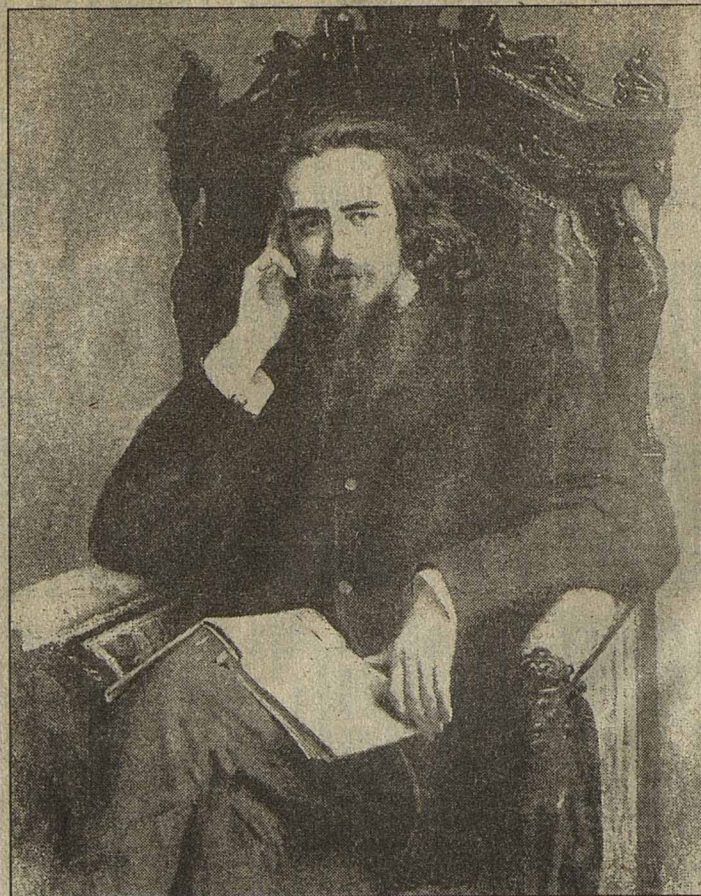
миться, как к тому, чтобы быть как можно разумнее и добрее, забывая о своем славянстве и еврействе, что давайте с вами делать».

22 ноября 1890 г.: «Христианское учение устанавливает равенство и братство всех людей, и потому предположение о том, что какие-нибудь люди могут быть обделены в самых важных людских свойствах, в сознании нравственного идеала, есть нехристианское понятие».

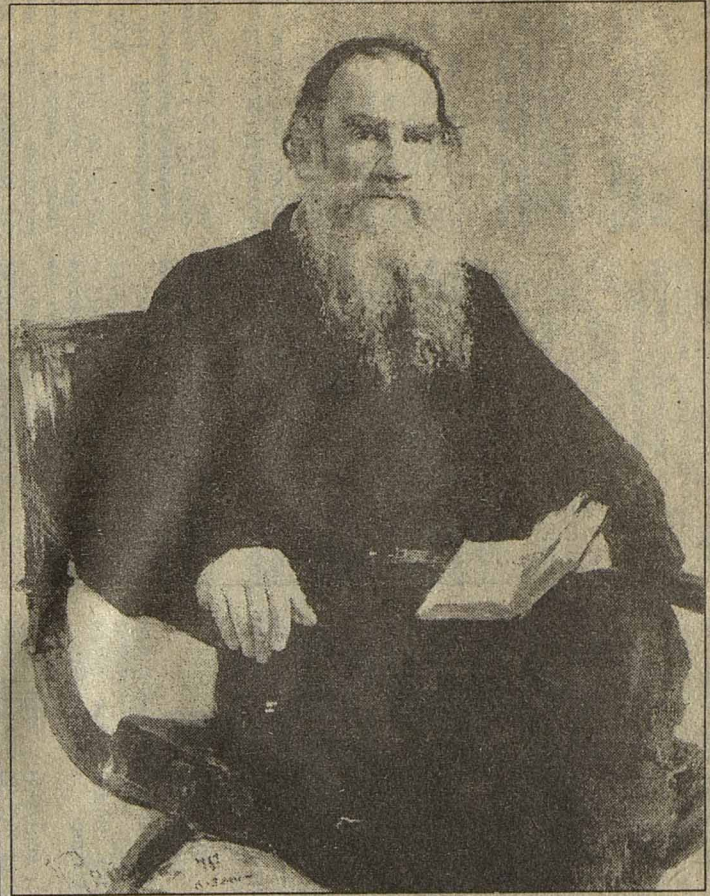
носила свои кровавые плоды.

Толстой писал в 1903 году в связи с происшедшим в Кишиневе погромом (письмо это вообще никогда не публиковалось в России до 1917 года, но ходило в рукописных списках):

«...Мое мнение относительно кишиневского преступления вытекает также из моих религиозных убеждений. После первых же сведений, опубликованных в газетах, не зная еще всех ужасающих подробностей, ко-

Владимир Соловьев. Портрет работы И.Н. Крамского. 1885 г.

Лев Толстой. Портрет работы И.Е. Репина. 1887 г.

опасное для будущности России».

Лев Николаевич подписал это заявление одним из первых.

Отвечая на письмо Соловьева с предложением присоединиться к протесту, Толстой писал ему:

«Я вперед знаю, что если Вы, Владимир Сергеевич, выразите то, что Вы думаете об этом предмете, то Вы выразите и мои мысли и чувства, потому что основа нашего отвращения от мер угнетения еврейской национальности одна и та же: сознание братской связи со всеми народами и тем более с евреями, среди которых родился Христос и которые так много страдали и продолжают страдать от языческого невежества так называемых христиан».

Однако цензура не позволила напечатать «Декларацию против антисемитизма» в России, в связи с чем она была переправлена за границу и опубликована в Париже и Вене, где также антисемитская пропаганда набирала силу. (В России этот документ впервые был опубликован Владимиром Галактионовичем Короленко только в 1914 году.)

По этому поводу Толстой писал одному из своих корреспондентов 22 ноября 1890 г.: «Очень сожалею, что запрещение помешало протесту быть напечатанным. Может быть, он дождется лучших времен и в то время еще разрастется подписями».

Однако к этой теме Толстой на протяжении 1890–1891 гг. возвращался неоднократно, что

Но издание было конфисковано Петербургским цензурным комитетом, в связи с чем ныне оно является большим раритетом.

В письме Гецу от 11 февраля 1891 года Лев Толстой писал: «Вполне представляю печатать мои письма, уверенный в том, что напечатаете их если не вполне, то так, что пропущенное не изменит сущности мысли, которую хотел выразить. Желаю успеха вашему изданию в смысле воздействия на умы и души людей в духе умиротворения и единения».

Вот строки из писем Толстого Гецу, вошедших в не увидевший свет сборник.

26 мая 1890 г.: «Вы приписываете моему (да и всякому) слову значение, которого оно не имеет и сотой доли. Я жалею о преследованиях, которым подвергаются евреи, считаю их не только несправедливыми и жестокими, но и безумными».

5 июня 1890 г.: «Для меня равенство всех людей — аксиома, без которой я не мог бы мыслить».

Есть люди более или менее разумные (и потому свободные) и добрые, и чем разумнее и добрее, тем они теснее и органичнее сливаются друг с другом воедино, будь то германцы, англичане, евреи или славяне, тем они дорожат друг другом. И чем они менее разумны и добры, тем более они распадаются и становятся ненавистны друг другу. И потому кажется, что еврей и русскому более нечего делать и ни к чему иному стре-

Созвучные мысли Толстой высказывал и... самим государем всероссийским!

Так, Александру III в январе 1894 г., правда, в связи с гонениями на дубоворов он писал (что весьма близко ранее процитированной мысли): «...всякие гонения за веру, как те, которые с особой жестокостью производят у нас в последнее время, не только не достигают своей цели, но, напротив, роняют в глазах людей ту церковь, для поддержания которой совершаются нехристианские дела» («Лев Толстой и русские цари». — М., 1995).

А в письме к Николаю II от 7 декабря 1900 г., также по поводу религиозной терпимости, отмечает: «То, что я говорю, я говорю не с своей точки зрения, а становлюсь на точку зрения разумного и просвещенного правительства. А с этой точки зрения давным-давно доказано, что всякие религиозные гонения, кроме того, что роняют престиж правительства, лишают правителей любви народа, не только не достигают той цели, для которой учреждаются, но производят обратное действие» (там же).

Но царское правительство, как это бывает нередко, осталось глухим к мудрым предостережениям одного из тогдашних «властителей дум».

Как известно, дискриминационные «Временные правила» для подданных империи, введенные еще в 1882 году, просуществовали до июля 1917 года, а антисемитская пропаганда при-

которые были сообщены позже, я понял весь ужас того, что произошло, и испытал одновременно чувство жалости к невинным жертвам жестокости населения, изумление перед зверством всех этих так называемых христиан, отвращение к этим так называемым культурным людям, которые подстрекали толпу и сочувствовали ее действиям. В особенности я почувствовал ужас ПЕРЕД ГЛАВНЫМ ВИНОВНИКОМ — НАШИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ с его духовенством, которое будит в народе зверские чувства и фанатизм, с его бандой чиновников-разбойников. Кишиневское преступление — это только прямое следствие пропаганды лжи и насилия, которую правительство ведет с такой энергией. Положение, которое заняло русское правительство по отношению к этому вопросу, служит только новым доказательством грубого эгоизма этого правительства, которое не отступает ни перед какой жестокостью там, где нужно остановить движение, кажущееся ему опасным. Подобно турецкому правительству во время армянской резни, оно остается совершенно индифферентным к самым ужасным актам жестокости, когда эти акты не затрагивают его интересов».

Мысли и письма Льва Николаевича Толстого по вопросам религиозной и национальной терпимости — яркая и неотъемлемая часть нашей истории и культуры, которая не может и не должна быть забыта.